

НОВА РЕК СУМА

СТЕНЫ ВОКРУГ НАС

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
С89

Nova Ren Suma
THE WALLS AROUND US

Copyright © 2015 by Nova Ren Suma

Excerpt on p. 1 from 'The Handmaid's Tale' by Margaret Atwood. First Anchor Books edition, April 1998. Also published by Vintage. Copyright © 1985, 1986 by O. W. Toad Ltd. Used with permission of the author. Reprinted by permission of Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company and by permission of McClelland & Stewart and by permission of The Random House Group Ltd. All rights reserved. Brief excerpt on p. 21 from p. 266 from 'Lullabies for Little Criminals' by Heather O'Neill. Copyright © 2006 by Heather O'Neill. Reprinted by permission of HarperCollins Publishers.

Excerpt on p. 67 from 'Wide Saragasso Sea' by Jean Rhys.

Copyright © 1966 by Jean Rhys. Used by permission of W. W. Norton & Company, Inc., and by permission of the Wallace Literary Agency, Inc. Excerpt on p. 131 from "Epitaph, in Second April", 1921, by Edna St. Vincent Millay. Excerpt on p. 227 from 'The Lovely Bones' by Alice Sebold, published by Little, Brown and Company. Excerpt on p. 277 from the 'Haunting of Hill House' by Shirley Jackson, Copyright © 1959 by Shirley Jackson; copyright renewed © 1987 by Laurence Hyman, Barry Hyman, Sarah Webster, and Joanne Schnurer. Used by permission of Viking Penguin, a division of Penguin Group (USA) LLC, and by permission of Penguin Books Ltd.

Published by arrangement with Algonquin Books of Chapel Hill, a division of Workman Publishing Company, Inc., New York (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Г. Бабуровой
Художественное оформление серии С. Коваленко

Сума, Нова Рен.
С89 Стены вокруг нас / Нова Рен Сума ; [пер. с англ. Г. Ю. Бабуровой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

Тюрьма на севере штата Нью-Йорк — место, оказаться в котором не пожелаешь даже злейшему врагу. Жесткая дисциплина, разлука с близкими, постоянные унижения — лишь малая часть того, с чем приходится сталкиваться юным заключенным. Ори Сперлинг, четырнадцатилетняя балерина, осужденная за преступление, которое не совершала, знает об этом не понаслышке.

Но кому есть дело до ее жизни? Судьба обитателей «Авроры-Хиллз» незавидна. Но однажды все меняется: мистическим образом каждый август в тюрьме повторяется одна и та же картина — в камерах открываются замки, девочки получают свободу, а дальше...

А дальше случается то, что еще долго будет мучить души людей, ставших свидетелями тех событий.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-090818-9

© Бабурова Г., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление,
ООО «Издательство «Э», 2018

*Девочке, которая прячет дневник.
Девочке, уверенной, что ничего не стоит.*

Снова и всегда. Для Э.

Часть I

Субботняя ночь

*Они не боятся того, что мы убежим.
Нам далеко не уйти. Они боятся,
что, доведенные до отчаяния,
мы найдем другой выход.*

Маргарет Этвуд «Рассказ служанки»

Эмбер

Мы все сошли с ума

Мы все сошли с ума той душной ночью: бушевали, неистовствовали, кричали. Обычные девочки, лет по тринадцать-четырнадцать, самой старшей из нас исполнилось семнадцать. Мы совершенно обезумели, обнаружив, что двери камер не заперты, а охрана куда-то исчезла. Мы завывали, как дикие звери, сея вокруг хаос и разрушение.

Мы высыпали в коридоры и оказались в душном тесном сумраке. Мы отринули навязанные нам цвета — для большинства зеленые, для тех, кто под особым наблюдением — желтые, а для тех бедолаг, что недавно попали сюда, — оранжевые. Да, мы отшвырнули комбинезоны и обнажили жуткие, корявые рисунки, вытатуированные на наших телах.

Снаружи донеслись раскаты грома. Первый и второй корпуса были уже в нашей власти. Когда полыхнули молнии, мы захватили третий и даже попытались взять штурмом четвертый — тот, где в одиночных камерах томились суицидницы.

Мы полыхнули, как бензин, в который бросили спичку. Оскаленные зубы. Сжатые кулаки. Громокипящий топот босых ног. Да, мы сошли с ума. А кто бы не сошел?

Я лишь пытаюсь понять. Мы совершили ужасные преступления, за которые нас осудили и упекли сюда. Многие из нас не раскаивались. Некоторые продолжали твердить, что не виноваты (клялись матерью, если была мать, любимой зверюшкой, если была кошечка или собачка, клялись своей жалкой жизнью, если, кроме нее, ничего больше не было). После бесчисленных дней, проведенных за решеткой, наконец-то свобода! Свобода, свобода!

Кое-кого из нас она страшила.

В первую субботнюю ночь того нынче проклятого августа в тюрьме «Аврора-Хиллз» на северной окраине штата, где содержались малолетние преступницы, из камер вырвались узницы — сорок одна. Сорок второй еще не было.

Как мы удивились, с каким недоверчивым восхищением озирались кругом, когда поняли, что камеры во всех четырех корпусах, даже в четвертом, не заперты. Наши сердца глухо стучали в темноте. Камеры не заперты. Мы свободны.

Мы осмотрели посты охраны. Никого.

Мы глянули в конец коридора. Железные ворота распахнуты настежь.

Перевели взгляд под потолок. Ни одна из лампочек не горела.

Мы выглянули наружу сквозь зарешеченные окна, но разглядеть что-либо было почти невозможно. Снаружи бушевала гроза. Ах, если бы мы могли увидеть, что творится там, за огороженным

периметром, за тремя заборами, оплетенными колючей проволокой. За вышкой для охраны. За крутой дорогой, спускавшейся вниз по холму и упиравшейся в железные ворота. Мы вспомнили — воспоминание из прошлой жизни, с тех времен, когда нас привезли сюда из окружной тюрьмы на синем мини-автобусе, — мы вспомнили, что совсем рядом проходит шоссе.

Внезапная, как удар, мысль. Сколько у нас времени? Рано или поздно охранники вернутся. Что делать нам с обретенной свободой? Стоит ли насторожиться?

Мы не насторожились. Не задались вопросом, почему замки на дверях не заперты. Не замедлили шаг, удивляясь, почему не мигают лампы сигнализации, почему не вопит сирена. И не задумались о том, куда делись охранники, дежурившие в ночную смену, и почему они оставили посты.

Мы разбрелись. Рассыпались. Барьеры, что удерживали нас все это время, рухнули.

Ночь взорвалась вспышкой бунта. Мы не знали, кто был зачинщиком, да и какая разница. Повсюду слышались крики, вопли и завывания. Малолетние преступницы числом сорок одна, самые опасные во всем штате, ни с того ни с сего вырвались на свободу, и не было ни решеток, ни охраны, чтобы нас усмирить. Невероятная, мощная вспышка. Как будто у нас в руках вдруг оказался трезубец, высекающий молнии.

Некоторые бездумно сеяли разрушение — били стекла в торговых автоматах в столовой, потрошили шкафчик с таблетками в медкабинете. У других чесались кулаки, они жаждали драки — неважно, с кем. Третьим просто-напросто хотелось постоять снаружи под темным капюшоном, укрывшим небо, почувствовать на лице капли дождя.

Однако те из нас, у кого сохранились крупинцы здравого смысла, притормозили. Задумались. Теперь, когда не было ни охраны, ни сигнализации — ничего, что могло бы нас остановить, — ночь принадлежала нам. Впервые за долгое время. Недели. Месяцы. Годы.

Что делать девочке с первой за долгие годы свободной ночью?

Наиболее склонные к насилию — убившие отца, полоснувшие ножом по горлу случайного прохожего, застрелившие умолявшего о пощаде сотрудника газовой компании — позже признавались, что в сгустившейся тьме они обрели чувство покоя и справедливого возмездия, которого не сыщешь в судах по делам несовершеннолетних.

Были среди нас и те, кто знал: мы не заслужили этого глотка свободы. Если просветить рентгеном наши душонки, станет ясно — несправедливо осужденных здесь нет. Оставшись лицом к лицу с этой неприятной истиной, мы почувствовали себя хуже, чем в день оглашения приговора, когда все присутствующие в зале суда возликовали.

Вот почему некоторые отступили. Остались в камерах, где хранились наши рисунки и любовные письма, а еще единственная годная расческа и баночки с арахисовым маслом, которые в «Авроре» ценились на вес золота, ведь настоящих денег нам не давали. Да, были те, кто предпочел известное неизвестному. Что ожидало нас снаружи? Кто позаботится о нас? Кто сохранит?

Куда податься девочке, которая напугала всех — учителей, адвокатов, соцработников, — всех, кто пытался помочь? Девочке, которая держала в страхе всю округу? Девочке, от которой отказалась семья? Которой писали из дома, что предпочли бы вовсе забыть о ней. Куда ей идти?

Многие пытались бежать, следуя лишь инстинкту. Бежали во весь дух. Бежали, потому что могли. Потому что не могли не бежать. Бежали не на жизнь, а на смерть. Мы все еще полагали, что наша жизнь стоит того, чтобы ее спасать.

Многие далеко не ушли. Надломились. Встали посреди коридора в чужом корпусе, где им находиться не полагалось. Рухнули на колени на стертый, покрытый трещинами пол.

В жизнь воплотились все наши безумные фантазии. То, о чем мы едва отваживались мечтать, глядя наружу через решетки на окнах. Волшебная палочка, дарящая способность проходить сквозь стены, косы Рапунцель, сброшенные в окно, по которым можно выбраться из неволи. Мольбы о прощении, снисхождении, о новой хорошей жиз-

ни на берегу молочной реки с кисельными берегами, где никогда больше нам не придется столкнуться с законом, с ненавистью и болью. Все это случилось на самом деле. С нами.

Некоторые плакали.

Полная свобода, делай, что хочешь. Нас переполняли разные желания: выйти голосовать на ближайшую автостраду, позвонить старому приятелю и переспать с ним, отправиться в ресторан, выспаться на огромной чистой постели под пуховым одеялом.

Тот август — третье лето, что я проводила в «Авороре». Когда я попала сюда, мне едва исполнилось четырнадцать (непредумышленное убийство; я не признала вину; на суд я надела юбку с колготками; когда вынесли приговор, мать отвернулась). Но теперь, когда у нас есть время посидеть и поразмыслить обо всем, я думаю не о том, как попала сюда. Не о судебном вердикте, не о количестве лет, что мне предстояло здесь провести, не о том, как меня привезли сюда, потому что никто не поверил моим словам, когда я твердила, что не виновата. Обо всем об этом я перестала думать давным-давно. Теперь я постоянно возвращаюсь мыслями к той ночи. К той первой субботе августа, когда рухнули все препоны. К тому глоточку свободы, к воспоминанию, которое мы унесли с собой в могилу.

Иногда я думаю о том, что случилось бы, сделай я все иначе. Если бы я попыталась вырваться наружу. Если бы я побежала.

Может, мне удалось бы перебраться через три забора, оплетенных колючей проволокой, и спуститься вниз по холму к шоссе, и мне не пришлось бы рассказывать эту историю — кто-то другой рассказал бы. Кто-то другой попытался бы все вспомнить.

Потому что той ночью все мы сошли с ума. У меня в памяти отпечаталось навсегда, как мы кричали и дрались, бросались на окна и били все, что под руку попадало, как мы бежали, бежали изо всех сил, бежали, сколько могли... Впрочем, далеко мы не убежали.

Той ночью нас обуревали чувства, которых мы не испытывали уже полгода, год, одиннадцать с половиной недель, девять сотен и девять дней.

Мы почувствовали, что живы. Так и запомню. Мы все еще были живы. Кромешная тьма скрывала истину, и мы не знали, как близко подобрались к самому краю.

Вайолет

Зал рукоплещет

Я проскальзываю за кулисы. Включайте прожекторы, скоро мне выходить.

Последний танец, затем я покину город. Последний шанс, чтобы меня запомнили. Они запомнят, уж я постараюсь.

Стоит мне ступить на сцену, и все глаза устремляются на меня. Я впитываю энергию, ко-